

Фань Лянь, вспомнив о Шан Сижую и его делах, поспешно поднялся, чтобы проводить их к выходу. Ду Ци, держа в зубах сигарету и обняв Шан Сижую за плечи, шёл впереди, сопровождая его и говоря:

— Эр Юэхун, эта девчонка, конечно, неплохая — но всего лишь неплохая! Среди лицедеёв её уровня она ничем не выделяется, так что не стоит переживать. В конце концов, девочки всё равно через несколько лет выйдут замуж. Ты думаешь, все такие, как Юй Цин?

Шан Сижуй открыл рот, чтобы возразить, но Ду Ци перебил его:

— Я знаю, ты считаешь, что все усилия, потраченные на неё за эти два года, оказались напрасными, что она тебя не оправдала, и ты злишься. Этот мерзавец Сюэ Цяньшань, сколько театральных трупп в Бэйпине, а он именно твою выбрал! Я тоже злюсь! Не волнуйся, я помогу тебе его уничтожить!

Шан Сижуй, чувствуя поддержку Ду Ци, покорно кивнул, уверенный, что тот действительно сможет разобраться с Сюэ Цяньшанем.

По дороге Шан Сижуй и Чача'эр шли молча, оба в плохом настроении. Чэн Фэнтай сначала отвёз Шан Сижую, дал ему несколько наставлений, а затем вместе с Чача'эр вернулся домой, чтобы извиниться перед второй госпожой. Та, разгневанная, вытирала слёзы, а Чача'эр умоляла её, и две женщины долго препирались, пока четвёртая госпожа не вмешалась, чтобы их примирить. В доме царил напряжённая атмосфера, и вечером выходить на улицу было неудобно. Чэн Фэнтай проверил уроки старших сыновей, подержал на руках третьего сына, а затем снова заговорил со второй госпожой о том, чтобы Чача'эр пошла в школу.

В вопросах воспитания детей между супругами существовали непреодолимые разногласия. Чтобы не разозлить вторую госпожу, Чэн Фэнтай старался не вмешиваться в быт и воспитание своих сыновей. В прошлом, когда она была недовольна им, она ясно дала понять: хотя дети были их общим достижением, но она сама выносила их в течение десяти месяцев, и потому заслуга в основном принадлежит ей. Чэн Фэнтай имел лишь второстепенное право — он мог проявлять заботу, но не вмешиваться. Она придерживалась традиционных взглядов, но в вопросах детей её идеи были прогрессивными, бросая вызов устоям. Однако Чача'эр не была её родной дочерью, и, как бы сильно она её ни любила, она не имела права навязывать свои решения. Сказав это, она с раздражением швырнула ножницы и иголки в корзину и добавила:

— Я никогда не была против того, чтобы Чача'эр училась, но я не хочу, чтобы она ходила в школу! Сейчас на улице слишком опасно! Мальчики могут ошибаться, а потом исправиться — это называется «вернувшийся блудный сын стоит дороже золота». Но если девочка оступится, вся её жизнь будет разрушена!

Чэн Фэнтай считал, что вторая госпожа явно преувеличивает, и, улыбнувшись, сказал:

— Не беспокойся об этом. Я попрошу дочь старого Гэ присматривать за Чача'эр. Я узнал, что старшие и младшие классы находятся на разных этажах. К тому же это женская школа, и там почти нет мужчин-учителей. Что тут страшного?

Этот вопрос тянулся уже несколько лет, и вторая госпожа поняла, что на этот раз Чэн Фэнтай твёрдо решил. Она не стала больше спорить, но и не разговаривала с ним, укачивая ребёнка.

Чэн Фэнтай сказал:

— Третьему уже больше двух лет, его не нужно всё время держать на руках. У тебя слабое здоровье, пусть няня заботится о нём.

Вторая госпожа не обратила на него внимания. Когда она действительно злилась, она полуприкрывала глаза и высоко поднимала голову, проявляя холодное высокомерие. Сколько бы Чэн Фэнтай ни уговаривал её, это не помогало, и только со временем её гнев утихал. Чэн Фэнтай предпочёл бы горячий спор, чем такое ледяное молчание, которое оставляло его в неловком положении, не позволяя даже дышать полной грудью. В этот день он благоразумно лёг спать пораньше.

На следующий день Чэн Фэнтай встал рано, хотя и не слишком. Почистив зубы и позавтракав, было уже около десяти утра. Он поправил шарф у воротника, когда третий сын, шатаясь, подошёл к нему, обнял его за ногу и, подняв голову, уставился на отца своим милым личиком.

Чэн Фэнтай рассмеялся:

— Эй, паршивец, скажи «папа».

Третий сын с усилием произнёс:

— Папу... — и, из-за взрывного звука, брызнул слюной на брюки отца.

Чэн Фэнтай громко рассмеялся, освободил ногу, погладил мягкие волосы на макушке ребёнка, а затем поднял его и взвесил на руках. Держа этого крошечного человечка, он не мог разглядеть в нём ни характера, ни черт лица, только белизну и пухлость. Он подумал, что если бы вторая госпожа не была так привязана к сыну и позволила бы ему воспитывать его по-своему, постепенно формируя личность, это могло бы быть интересно. Дети в этом возрасте самые забавные, а к десяти годам они уже становятся скучными, особенно в отношениях между отцом и сыном. Пока он размышлял об этом, в комнату вошли старший и второй сын, которые уже приближались к этому возрасту, чтобы поприветствовать отца. В последнее время из-за забастовок и демонстраций в университетах их учёба также была прервана. Братья, неразлучные, проводили дни за книгами и письмом.

Чэн Фэнтай сказал:

— Присматривайте за братом, не давайте маме всё время держать его на руках, у неё слабое здоровье.

Старший сын согласился, с улыбкой глядя на отца, словно хотел что-то сказать.

Чэн Фэнтай продолжил:

— И не давайте его всё время няням, иначе он никогда не научится ходить, будет мягким, как девочка. Вы, как старшие братья, должны больше играть с ним, учить его говорить.

Старший сын снова кивнул, помолчал, а затем сказал:

— Папа, мы помогаем маме с братом. А ты можешь нас куда-нибудь сводить?

Чэн Фэнтай посмотрел на сыновей. Второй сын робко прятался за рукой старшего, а тот улыбался смущённо. Чэн Фэнтай не очень хотел брать детей с собой, так как, если бы они случайно упали или заболели, вторая госпожа снова бы на него накинулась. Но дети редко просили его о чём-то, и он, улыбнувшись, отшутился:

— Спросите у мамы, если она разрешит, я вас свожу.

Неожиданно в этот день вторая госпожа пригласила гостей поиграть в маджонг, и ей было не до детей. Когда сыновья попросили, она согласилась. Чэн Фэнтаю пришлось скрепя сердце отвести детей в Хоухай, где они поели, погуляли в парке и купили несколько вещей. Дети вернулись домой, потные и довольные, чтобы вздремнуть. Чэн Фэнтай, всё ещё думая о своём «большом ребёнке», направился в дом Шанов.

Его «большой ребёнок», Шан Сижуй, в этот момент действительно походил на гигантского младенца, лежащего на шезлонге во дворе с раскрасневшимися скулами и тяжёлым дыханием. Сяо Лай держала над ним зонтик, а перед ним стоял небольшой столик с чайником, полотенцем, складным веером и арбузом. Не хватало только ударной доски, чтобы превратить это в сцену для рассказчика, но сейчас это служило его импровизированным рабочим столом. Юань Лань и Девятнадцатая, занимавшиеся внутренними делами Терема Водных Облаков, не могли не вмешаться. Вместе с двумя старшими учениками они сидели по обе стороны, окружив Эр Юэхун, которая, стоя на коленях, плакала, создавая атмосферу суда.

Лицедееи обычно вели ночной образ жизни, и Шан Сижуй, разозлённый вчера до предела, не смог никого найти — все, подчиняясь его приказу, избегали его, занимаясь своими делами в память о Хоу Юйкуе! Кто бы захотел специально прийти, чтобы выслушать его гневные выпады? Сегодня все, как по сговору, сладко спали до обеда, а затем привели Эр Юэхун. К этому времени Шан Сижуй уже заболел от злости, у него шла носом кровь, а голос охрип. У певцов всегда есть проблемы с голосом, и каждую осень он страдал от кашля, который иногда длился целый месяц. Но на этот раз его болезнь была вызвана гневом, что делало её ещё более обидной.

Чэн Фэнтай, войдя и увидев эту сцену, остановился и улыбнулся:

— О! Шан-лаобань решает семейные дела, я не буду мешать.

Шан Сижуй открыл рот, чтобы что-то сказать, но в горле раздался хрип, и он, кашлянув, с досадой нахмурился, глядя на него — он же знал, что тот ждал его компании! Юань Лань, заметив его взгляд, поспешно встала и с улыбкой сказала:

— Второй господин не чужой, присаживайтесь, правда, свободных стульев нет.

Чэн Фэнтай медленно вошёл во двор и сказал:

— Сестра, садитесь, я постою, попью чай и охлажусь.

С этими словами он взял чайник Шан Сижую и сделал глоток. Чай оказался с неприятным привкусом лекарства, и он не смог его выпить. Открыв складной веер, он помахал им, и на нём засверкало золото — это был старый театральный веер с позолоченными пионами.

Юань Лань, повернувшись, снова нахмурилась и резко спросила Эр Юэхун:

— Продолжай!

<http://bllate.org/book/15435/1368672>